

Научная статья

УДК 343.97

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004

Введение в этнокриминологию

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯНВсероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Реферат

Введение: в статье преступность рассматривается с этнорелигиозных позиций и в контексте межнациональных конфликтов, особое внимание уделяется экстремизму и терроризму, называются основные черты этих явлений. Автор подчеркивает, что экстремизм и национализм в политике могут поставить человечество на грань катастрофы. *Цель:* обратить внимание на недостаточную изученность преступлений, носящих этнический и этнорелигиозный характер, обосновать необходимость проведения криминологических этнологических исследований, направленных на выработку новых общетеоретических подходов к пониманию преступности, ее причин и мер борьбы с нею. *Методы:* методологическую основу данного исследования составляет аксиологический подход. Решению исследовательской задачи способствовало использование общефилософских принципов диалектики и специальных методов познания: систематического, формально-юридического, социологического и др. *Результаты:* автором рассмотрены проблемы фанатизма в этнических и этнорелигиозных группах, подчеркивается его особая опасность. Отмечается, что в корне неверно утверждать, что существует цивилизация, которая враждует с остальным миром, поскольку цивилизация включает в себя не только религиозную составляющую. *Выводы:* государство может успешно противостоять национализму и этнорелигиозному фанатизму; в странах, где данные явления находятся под угрозой наказания, преступники иногда оказываются способными отказаться от своих убеждений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : этнический; этнорелигиозный; фанатизм; экстремизм; нацизм; этнические и этнорелигиозные конфликты; этнокриминология.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Антонян Ю. М. Введение в этнокриминологию // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.

Original article

Introduction to Ethnocriminology

YURII M. ANTONYANAll-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Abstract

Introduction: the article considers crime from ethno-religious perspectives and in the context of interethnic conflicts, pays special attention to extremism and terrorism, and identifies critical features of these phenomena. The author emphasizes that extremism and nationalism in politics can put humanity on the brink of disaster. *Task:* to draw attention to insufficient study of crimes of an ethnic and ethno-religious nature, substantiate the need for criminological ethnological research aimed at developing new general theoretical approaches to understanding crime, its causes and measures to combat it. *Methods:* the axiological approach is a methodological basis of this research. To solve the research problem, general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition, such as systematic, formal legal, sociological, etc., are used. *Results:* the author considers problems of fanaticism in ethnic and ethno-religious groups and emphasizes its particular danger. It is noted that it is fundamentally wrong to assert that there is a civilization that is at enmity with the rest of the world, since civilization includes not only a religious component. *Conclusions:* the state can successfully resist nationalism and ethno-religious fanaticism; in countries where these phenomena are punishable, criminals may renounce their beliefs.

Key words: ethnic; ethno-religious; fanaticism; extremism; Nazism; ethnic and ethno-religious conflicts; ethnocriminology.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Antonyan Yu.M. Introduction to Ethnocriminology. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.

В отечественной криминологии недостаточно исследованы преступления, носящие этнический и этнорелигиозный характер, исключение составляет лишь современный этнорелигиозный терроризм. Между тем, как известно, этнические и этнорелигиозные факторы играют важную роль в жизни человечества, и поэтому не могут не влиять на преступность, причем в некоторые эпохи самым определяющим образом. Важно их познание особенно в России, стране многонациональной и многоконфессиональной.

Этнология – это наука о нациях и народах, в том числе не достигших статуса нации, изучающая их особенности, культуру, обычаи, традиции, архетипы и символы. В ее предмет входят также религиозность, теистические позиции, извращение религиозных идей и возникающий на такой почве фанатизм, что особенно важно для правопорядка.

Проводя этнокриминологические исследования, надо отказаться от представления о преходящем характере чувства этнической и религиозной принадлежности и вырастающей на его почве национальной и религиозной нетерпимости, их ограниченности узкими историческими рамками и уровнем общественного развития. Думается, что нужно также уйти от представления о возможности изменения национального характера в соответствии с изменениями внешней материальной среды.

По нашему мнению, национальный характер представляет собой сочетание исторически сложившихся устойчивых социально-психологических, нравственных и духовных особенностей данной нации, выраженных в национальных и религиозных символах, национальных и религиозных ценностях. Он связан с историческим, в том числе невоспоминаемым, бессознательным коллективным опытом, иногда тысячелетним, данной нации или народа, точнее, порожден им и может быть назван духом или душой нации, народа.

Такой характер стабилен, более того, весьма консервативен, не очень пластичен, плохо приспосабливается к новым условиям. Но даже приспособление отнюдь не свидетельствует о существенном изменении самого этнообразования и его религиозно-культурной основы. Они могут, как и у отдельного человека, корректироваться в реакциях на внешние стимулы, что часто создает иллюзию изменения названных черт, поэтому очень важно учитывать, что внешние социальные условия обладают сравнительно скромными возможностями воздействия на сердцевину национального и религиозного духа, если понимать под ним то, что возникает в результате функционирования коллективного бессознательно по архетипическим механизмам и является основой существования данного этноса или религиозной группы.

Одним из парадоксов, порождающих религиозный и националистический террор, является то, что националисты и религиозные экстремисты очень остро реагируют на действительные или мнимые обиды, которые причинены их нации, хотя обычно совершенно бесчувственны к тем унижениям и оскорблениям, которым подвергают сами другие нации, отдельных их представителей.

Обобщая, можно назвать следующие основания для межнациональных конфликтов, которые иногда пытаются решить с помощью терроризма:

- стремление к перераспределению определенных жизненных ресурсов и природных богатств;
- несовпадение этнических, национальных и религиозных границ, предъявление в связи с этим территориальных, политических, иных претензий одной нацией другой, желание сделать свою страну мононациональной или монорелигиозной;
- ущемление прав наций на самоопределение (здесь имеются в виду только случаи, когда та или иная из них действительно вправе претендовать на суверенитет);
- стремление какой-то национальной группы или организации захватить государственную власть путем отделения от остальной страны (суверенизации) (разумеется, в лозунгах, рассчитанных на массовое потребление, это не отражается);
- нарушение прав личности представителей определенной нации (этноса), унижительное, пренебрежительное отношение к ним, непринятие необходимых мер для их экономического и духовного развития;
- желание продемонстрировать другой нации, народу, расе свое превосходство и одновременно запугать ее. Иногда это связано с обнищанием населения, когда у него ничего не остается, кроме национальной принадлежности, а люмпенское сознание, как известно, может перерасти в национал-социалистическое (нацистское, фашистское, расистское);
- разнообразие представлений людей о национальном достоянии, национальном достоинстве и национальном или расовом интересе, в которых могут обнаруживаться самые архаичные, даже первобытные корни;
- неумелая, непродуманная политика центральной власти в отношении отдельных национальных регионов, непринятие мер по нейтрализации негативных последствий при перестройке иерархических структур, нарушении прежнего баланса сил и возможностей;
- стремление любой нации (этноса), расы к сохранению своей национальной идентичности и сопротивление в связи с этим навязываемому властью или другими структурами иному образу жизни, иному мировосприятию и миропониманию, иным ценностям;

– формирование теневого национального компонента при образовании национальной буржуазии и предпринимательства. В некоторых случаях к националистическому терроризму прибегают для отстаивания, утверждения своих экономических интересов, то есть на базе дикой рыночной конкуренции. В нашей стране известны многие факты применения террора одними организованными преступными группировками против других, что осуществляется под националистическим прикрытием;

– неготовность власти (на разных уровнях), а также интеллигенции к взрыву национализма и неумение вовремя спрогнозировать его, принять профилактические меры, пресечь деструктивное поведение;

– политическая борьба, опирающаяся на религиозное, национальное или националистическое или расовое движение;

– превалирование процессов суверенизации над экономической целесообразностью, политическими, духовными, иными интересами и ценностями, выдвижение в этой связи максималистских, не основанных на реальности требований;

– рост безработицы, особенно в крупных городах с пестрым национальным и расовым составом: в отсутствии работы упрекают представителей наций, которые там составляют меньшинство, являются беженцами и мигрантами.

Иерархия оснований межнациональных конфликтов различна у разных народов и может меняться со временем, но представляется, что она все-таки стабильна на протяжении длительного периода.

Естественно, возникает вопрос: какова роль религии в порождении, провоцировании этнорелигиозной преступности? Ответ на него не может быть однозначным.

Во-первых, в священных текстах разных религий достаточно просто найти призывы к насилию или обоснование справедливости его применения. В этом смысле Коран, например, почти не отличается от Библии, особенно от Ветхого Завета. К тому же очень многое зависит от толкования конкретных текстов, то есть позиции того, кто это делает. Вот почему нет оснований считать тот же Коран главным источником мусульманского экстремизма. Но если даже священные книги отнюдь не чужаются насилия и в них можно черпать вдохновение и находить аргументы для оправдания терроризма, то религия оказывается причастной к данному явлению. Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис) весьма красноречиво в этом смысле.

Во-вторых, именно религия весьма чувствительна ко всем посягательствам на то, что считает своей святыней или важными ценностями. Она руками своей церкви готова охранять их также и путем агрессии, а в критических ситуациях особенно склонна к черно-белому восприятию мира, разделяя всех на своих и чужих.

Церковь делает сугубо религиозные символы национальным достоянием народа и фундаментом его культуры, объявляя их неприкосновенными и особо чтимыми. Они становятся таковыми в восприятии людей, поэтому действительное или мнимое покушение на них расценивается как величайшая опасность, избежать которой следует любой ценой.

В-третьих, в священных текстах столь же легко обнаружить осуждение насилия, проповедь любви, прощения и милосердия. И в этом отношении Коран не отличается от Библии. Поэтому борьба с терроризмом предполагает максимальную опору на религию и служителей церкви всех конфессий.

В-четвертых, многие авторы проводят различия между постулатами ислама и положениями шариата, который представляет собой комплекс предписаний, регулирующих поведение мусульманина в различных жизненных ситуациях. Некоторые исследователи считают, что публичное право шариата не представляет собой закон ислама, которому современные мусульмане обязаны следовать во исполнение своего религиозного долга. Шариат иногда прямо противоречит международному праву, что неудивительно, поскольку он сформировался в совсем другую эпоху. В то время как Устав ООН запрещает применение силы в международных отношениях, кроме случаев самозащиты, шариат, напротив, дает такое разрешение во имя распространения ислама и поддержания чистоты веры. Шариат узаконивает рабство как один из вариантов обращения с военнопленными (другие варианты – казнь, освобождение с выкупом или без выкупа в зависимости от воли победителя). Допускает шариат и дискриминацию по признакам пола, религии, карая отступление от ислама смертной казнью. Будучи творением мусульманских юристов, разработавших его на протяжении первых трех веков ислама, шариат, хотя он исходит из Корана и Сунны, сам по себе не является священным.

Конечно, крайности шариата в цивилизованных исламских странах официально исключены, но могут сохраняться в рамках отдельных социальных групп.

В исламе право объявления и ведения священной войны от имени государства, то есть в целях отражения агрессии и защиты свободы вероисповедания, принадлежит только самому государству. Отдельные лица, общественные и религиозные общины таким правом не обладают. Важно и то, что правильное толкование Корана могут дать только ученые, знающие и контекст, и историю его ниспослания. Коран утверждает, что «нет принуждения в религии» (2: 256), то есть однозначно запрещает насильственное обращение в ислам. Между тем в оправдание преступлений против немусульман исламские фанатики обращаются к Корану, в котором, в частности, говорится: «И убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили... О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь беспощаден к ним» (9: 5, 73). Для оправдания агрессии против немусульман приводятся и такие слова пророка Мухаммада: «Мне было приказано сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммад – Его посланник, не станут совершать молитву и вносить закят, если же они сделают это, то их жизнь и имущество окажутся под моей защитой, а в противном случае с ними надлежит поступать по праву ислама, а суд над ними в руках Всевышнего Аллаха». Оба приведенных высказывания прямо призывают к насилию и могут использоваться для оправдания терроризма, но не следует забывать, что они были записаны в VI в. и адресованы совсем другим людям, ради иных целей.

Призывы к насилию можно найти и в Библии, причем в изобилии.

Современная мусульманская религиозная мысль приходит к выводу об однозначном осуждении исламом терроризма и о том, что насилие может быть использовано лишь как способ защиты этой религии. Вопреки утверждениям исламских экстремистов, они не служат исламу, а приносят ему вред.

Как же определить нынешнюю этнорелигиозную ситуацию в мире? Что она представляет собой в целом, в чем ее сущность и основные причины, с каким явлением мы сталкиваемся в лице этнорелигиозной преступности? Полагаем, что главным образом речь должна идти о столкновении двух мировых культур – исламской и христианской, Востока и Запада, если понимать их не географически, а как ареалы распространения определенных цивилизаций. Это столкновение двух ментальностей, двух мировоззрений, двух отношений к жизни и труду, самому себе и окружающему миру. Суть и содержание названных конфликтов нуждаются в постоянном углубленном и обстоятельном исследовании.

Прежде всего, здесь можно усмотреть зависть и даже ненависть относительно бедного и не обладающего достаточной военной мощью Востока к богатому, процветающему, ведущему роскошное существование, имеющему несокрушимые военные силы Западу, к тому же далеко не всегда справедливому и нередко агрессивному по отношению к своему нуждающемуся соседу. Именно поэтому было совершено нападение 11 сентября 2001 г. на Всемирный торговый центр – символ экономического процветания Запада – и Пентагон – символ его военной мощи.

У исламского Востока нет никакой возможности решить конфликт с Западом посредством военной силы, поэтому он прибегает к террору, который, как и в других случаях, становится оружием слабых. К тому же открытое применение военной силы возможно только со стороны государства, но ни одно мусульманское государство не выражает такого желания, многие из них действительно не хотят никаких конфликтов, но просто не в состоянии обуздать своих террористов.

Почему же современная террористическая агрессия в основном исходит от исламских, а не от каких-либо других экстремистов?

Казалось бы, большинство террористов – это выходцы из бедных стран, у которых сейчас нет никаких шансов приблизиться к развитым. Это относится к афганским и иракским бойцам «Аль-Каиды», пакистанцам и алжирцам, чеченцам и другим представителям Северного Кавказа, которые были втянуты в террористические действия. Однако более внимательный анализ показывает, что многие террористы отнюдь не бедняки и сражаются ради идеи. К тому же можно назвать целый ряд беднейших стран мира, которые не принимают никакого участия в терроризме, вообще не имеют о нем представления. Следовательно, не бедность или, точнее, не столько бедность может выступать причиной терроризма.

На наш взгляд, суть проблемы заключается в том, что ислам является самой молодой из мировых религий. Другие – христианство, буддизм, иудаизм, ин-

дуизм – давно определили свое место в мире, свою идентичность и субъектность, и их поиски в этой области прекращены. Они хорошо знают себя и достаточно четко представляют свои возможности. Поиск же исламом как самой молодой религией собственной идентичности часто реализуется в насильственной форме, что не должно вызывать удивления: на соответствующих этапах развития это же было присуще христианству (достаточно вспомнить крестовые походы, Варфоломеевскую ночь во Франции, инквизицию и т. д.).

Однако утверждать, что с остальным миром враждует вся мусульманская цивилизация, было бы в корне неверно, поскольку цивилизация включает не только их религиозную составляющую, которая, конечно, тоже не вся определяется агрессивными установками. Большинство мусульманских священнослужителей, как и рядовых верующих, активно выступает против насилия, причем постоянно.

Другое очень важное обстоятельство заключается в том, что ислам в некоторых отсталых странах (Афганистан) формирует и цементирует традиционное общество, на смену которому уже давно пришли индустриальное и постиндустриальное, созданные, в первую очередь, западной христианской цивилизацией. К тому же ислам иногда, но далеко не во всем проявляет консервативные тенденции, упорно отставив самые архаичные формы существования людей и повседневного их общения, а поэтому весьма враждебно настроен и негативно оценивает очень многое из того, что исходит из западного мира.

Между тем его влияние в условиях современной глобализации губительно для ценностей и символов традиционного общества, а любые серьезные угрозы воспринимаются представителями такого общества крайне болезненно. Современные экстремистские движения завоевывают всенародную поддержку, отрицая саму необходимость принимать и даже просто уважать западные ценности. В качестве программы действий они используют призывы жить по законам ислама. Подчеркнем, что речь идет не об исламе в целом, а об экстремистских движениях.

Надо признать, что Запад упростил задачу террористам и идеологам терроризма. Одно только перечисление актов насилия и несправедливости в отношении исламских стран, в том числе бывших колоний, вызывает бурное негодование мусульман и перевешивает все положительные экономические последствия отношений с Западом. Можно, конечно, призывать его не давить на восточную цивилизацию, не навязывать ей свои ценности, но насколько это реально и может ли привести к ослаблению межкультурных противоречий, поможет ли преодолению во многом отрицательного отношения Востока? Думается, что нет, поскольку отдельные восточные исламские страны могут оставаться бедными и сделать их цивилизованными «по-своему» не удастся.

Мы сталкиваемся с неразрешимой проблемой: существенная разница в отношении к труду населения Запада и Востока. Восток будет оставаться бедным до тех пор, пока коренным образом не пересмотрит свое отношение к труду и не уберет все препятствия для повышения его эффективности. Однако есть опа-

сение, что это трудноразрешимая проблема и Восток останется бедным, поскольку труд граждан в некоторых странах не отвечает тем требованиям, которые соответствуют современным стандартам и могли бы привести к процветанию.

Необходимо учитывать, что конкуренция и в связи с ней конфликтные отношения между христианской и мусульманской церквями сложились еще в те далекие века, когда ислам только начал распространяться в мире.

В области этнорелигиозных конфликтов нередко совершаются экстремистские преступления. Экстремизм – понятие универсальное, оно включает в себя опасные, даже крайне общественно опасные явления, но ни в коем случае не полезные, даже исключительные, преодолевающие некие границы и показывающие новые рубежи человеческих возможностей, которые потом могут стать нормой. Такое весьма вероятно в спорте, научных изысканиях, основанных на эксперименте и опытах. Однако экстремизм и национализм в политике, например, при дальнейшем развитии может поставить человечество на грань катастрофы.

Основные черты этнорелигиозного и националистического экстремизма:

1. Этнорелигиозный экстремизм постоянно ставит перед собой цели, которые могут представляться труднодостижимыми или даже недостижимыми.

2. Экстремистские организации могут сами бороться за политическую власть либо их могут использовать в борьбе за политическую власть какие-либо сообщества.

3. Для таких организаций свойственны разделение мира на своих и чужих, черное и белое, достаточно четкие представления о врагах, в основном в части внешних признаков и проявлений, которые вызывают зависть и чувство несправедливости. Враг – постоянная, непреходящая фигура, архетип.

4. Неуважительное отношение к другим культурам, которые представляются ненужными, вредными, подлежащими уничтожению или во всяком случае взятию под полный и жесткий контроль.

5. Постоянная озабоченность приобретением сторонников и союзников, во всяком случае единомышленников из числа людей толпы, но не сборища людей, скажем, перед футбольным матчем, а толпы – массы народа, малограмотного, простодушного, доверчивого, в основном из среднего и низшего социальных слоев населения. Для этого экстремисты используют все доступные им средства массовой информации, Интернет, информационные сети. Толпа-масса является главным творцом и хранителем этнорелигиозной и националистической мифологии. Толпа сама может спровоцировать и осуществить экстремистское насилие.

6. Самой благоприятной почвой для этнорелигиозного и националистического экстремизма является кризисное общество, но экстремизм может появиться и в благополучном обществе, стремясь к тому, чтобы сделать его кризисным, особенно если получает помощь извне.

7. Если иметь в виду исламский этнорелигиозный (чаще религиозный) экстремизм, то следует отме-

тить, что сам ислам утвердился на 6–7 веков позднее, чем, например, христианство, о чем уже говорилось выше.

8. Технологическая оснащенность, свободное владение современными средствами связи, позволяющие вступать в борьбу с государственными органами и получать необходимую для террористов информацию.

Оценивая этнорелигиозные риски, надо иметь в виду, что в новейшей истории религия не играет столь значительной роли, как в Средневековье и античном мире. Думается, что криминологические этнологические исследования могут привести к появлению новых общетеоретических подходов к пониманию преступности, ее причин и мер борьбы с нею.

Принадлежность к нации или религии способна вызвать фанатизм, порождаемый страстным вплоть до самозабвения желанием защитить их от реальных или мнимых врагов, добиться их торжества и полного триумфа. Представление о нации и религии, их восприятие и значимость становятся основами личности. Наряду с таким отношением к ним весьма опасно неоспоримое владение самой главной истиной, знание того, как попасть в рай или создать его на земле.

П. Концен пишет о фанатизме следующее: «Большое количество людей охвачено неконтролируемыми фанатическими эмоциональными реакциями, энтузиазмом, возмущением, страстной ненавистью, которые легко могут превратиться в необузданное насилие и стремление к разрушению. Имеется в виду толпа, призывающая к тотальной войне в Берлинском дворце спорта, буйствующие индусы, которые в декабре 1992 разрушили Айоджа-Мошее, или исполненный ненависти отчаянный траур во время похоронных ритуалов расстрелянных палестинцев. Мобилизация масс – это древнейший трюк, который в XX веке принял характер научного эксперимента. Постоянный вопрос: победят ли при всеобщих забастовках рационально дисциплинированные силы или во время наступления протеста разразится неконтролируемый фурор? Великие политические изменения всегда удавались лишь объединенными коллективными силами. С другой стороны, взбунтовавшиеся массы в возвышенном чувстве всеобщей солидарности могли недооценивать силу противника. Их могли – как при восстаниях рабов и крестьян – жестоко избить дубинками. Находясь в толпе, человек особенно склонен “заразиться” фанатичным. Отдельный человек попадает в “коллективный водоворот”, в пучину примитивных чувств. Все то, что столетиями выстраивало в личности дифференцированную идентичность, мгновенно исчезает. Коллективное опьянение подавляет нашептывание критического Я, этические побуждения – даже высокая образованность и необычайная интеллигентность – часто не в состоянии защитить от этой дезорганизации» [2, с. 115].

Фанатики очень часто кипят ненавистью и даже истерией, стремятся властвовать и подавлять, во многих случаях готовы причинить другим любое, в том числе крайне жестокое, зло. Фанатики нарцисстичны, могут любоваться собой, якобы знают идею, которая спасет людей, не понимая, что непоколебимая вера в нее лишает их свободы, поскольку они не могут вы-

йти за ее рамки. Выдающиеся личности, охваченные фанатическим жаром, в годы кризисов подстрекают массы и подчиняют их себе, совершая при этом самые ужасные преступления. Все они демагогически оправдываются тем, что якобы делают это для блага народа, который сам страстно желает этого.

Национальный, точнее националистический и этнорелигиозный, фанатизм ведет к потере связи с действительностью. Одновременно усиливается контроль за верностью других людей той же националистической или этнорелигиозной группы общей идее. Лидеры и наиболее страстные члены могут показаться лишь борцами за права своего униженного народа или своей единственно верной религии, но показывают смертельную решимость, когда дело доходит до борьбы. Тогда они проявляют фанатизм и хладнокровную жестокость. Для некоторых фанатичных лидеров преследование людей другой национальной, конфессиональной и расовой принадлежности есть способ утоления их игровых потенций и реализации садистских влечений. Там, где им успешно противостоит государство, они под угрозой наказания иногда отказываются от своей фанатической лжи.

П. Концен писал, что некоторые «ведущие» фанатики, очевидно имея в виду, например, Гитлера, накладывали неизгладимый отпечаток на свою эпоху, иные же были убиты, подобно бешеным собакам. Жажда мести всегда разжигала затяжные конфликты между народами и религиозными конфессиями, которые являли собой иррациональные формы ответного насилия. В прошлом политические режимы всегда удерживали свою власть с помощью жестоких репрессий. С другой же стороны, фанатизм воодушевлял массы, которые приводили в действие важнейшие исторические события (каждый раз – самой ужасной ценой).

Чуть ли не во всех формах философской этики обосновывается необходимость воздержания, «апатии», обуздания ярости; основатели религий и святые призывали к сочувствию, прощению и милосердию. Но в то же время именно религиозные лидеры, словно сорвавшись с цепи, могли вести догматическую борьбу с проявлениями зла, ставя под сомнение существование «божьей искры» в человеке.

В век глобализации и урбанизации неизбежно происходит смешение народов, однако вряд ли когда-нибудь, даже в очень отдаленном будущем, человечество превратится в единый народ. Такого слияния не произойдет никогда, поскольку народы живут в разных социальных, социально-психологических и географических условиях, развиваются разными темпами и обладают разной исторической памятью. Но если бы оно и случилось, это было бы несчастьем для всего мира: люди стали бы однообразными и серыми, исчезли бы все неповторимые, уникальные красоты языка, религии, обычаев, искусства и т. д. Между тем культурологам давно известно, что у разных народов существуют одинаковые или сходные обычаи и традиции, мифы и сказки, правила поведения и даже формы и способы их нарушения. Например, всеобщее распространение получил миф о всемирном потопе. Д. Д. Фрезер пишет об этом так: сходство объясняется простым заимствованием с

некоторыми более или менее значительными видоизменениями, но немало бывает и таких случаев, когда сходные у разных народов обычаи и верования возникают независимо друг от друга, в результате одинаковой работы человеческой мысли под влиянием аналогичных условий жизни [5, с. 64].

Названные факторы, различия и сходство народов определяют структуру, характер и динамику преступности среди них. Даже в условиях проживания в одном городе некоторые национальные группы, как правило составляющие меньшинство его населения, сами изолируют себя от остальных и строят свое поведение не только по канонам, общим для всех, но и по тем, которые свойственны только данной нации. Добровольная изоляция весьма относительна, поскольку никому не дано полностью или в основном отгородиться от окружающих, исключая религиозных фанатиков с поврежденной психикой. Некоторые малые или рассеянные по миру народы, например цыгане и езиды, способны к добровольной либо, по существу, принудительной изоляции в отдельных странах. Принудительность может заключаться не в силовом давлении государства, а в вытеснении таких народов обществом с молчаливого согласия того же государства.

Но еще раз следует подчеркнуть, что создание неформальных, национальных, изолированных групп не всегда есть следствие внешнего, даже замаскированного давления, а во многих случаях исходит из осознанного или бессознательного желания самих национальных (и религиозных) групп сохранить свою самобытность и свои ценности. Это хоть и требует криминологической оценки, но в целом есть огромное благо для человечества, поскольку не позволяет ему превратиться в унылый и стандартный пейзаж. Конечно, не все представители данного народа даже в одном городе замыкаются в рамках своего национального объединения. Получение более хорошего образования и трудовой квалификации, а также обогащение могут повлечь фактический выход из него (иногда при сохранении видимости прежней связи).

Свои поселения у тех или иных народов могут возникать не только в границах городов, но и вне их. Это наблюдается во многих странах мира. Отделение от остального населения, составляющего большинство в стране, ни в коем случае не ведет к криминализации, но там способны получить развитие свои виды преступности, например производство и сбыт наркотиков, угон скота, создание гангстерских и экстремистских организаций и т. д.

Можно поставить весьма сложный и даже щекотливый вопрос: существуют ли преступные народы? Формулировка его нарочито прямолинейна, чтобы показать, что ответ не должен быть таким же.

Прежде всего, что означает в данном контексте прилагательное «преступные»? Наполняя его криминологическим содержанием, можно ли его использовать в отношении конкретного народа? При положительном ответе необходимо пояснить, имеется ли в виду совершение тяжких, особо тяжких или незначительных по последствиям преступлений, причем постоянно либо в какие-то острые периоды истории. Здесь напрашивается сравнение народа с

человеком. О последнем Ч. Ломброзо писал, что есть преступный человек, полагая, что он наследует преступные гены. Доказательства этого ученого строились на социологическом материале, что абсолютно непригодно, а следовательно, его позиция несостоятельна. Но все-таки можно обоснованно предположить, что преступный человек – это реальность. Как еще назвать лицо, которое воспитывалось в неблагоприятных условиях, еще в подростковом возрасте стало совершать преступления, привлекалось к уголовной ответственности 8 раз, пронизано тюремными и антиобщественными представлениями. Это совершенно отчужденная личность, причем не во всем по своей вине – немалая доля ответственности лежит на семье, школе, правоохранительных органах.

Понятно, что человек и народ – это разные явления, хотя люди нации и составляют народ. Преступления совершает только какая-то его часть, но точно известно, какая именно. Если проанализировать всю историю человечества, то окажется, что некоторые народы, в том числе в Античности и Средневековье, нападали на другие народы, обычно соседние. Они их уничтожали полностью или частично, угоняли в плен, ассимилировали. При этом захватчики знали, что убивая или захватывая в плен, совершают преступления, но были уверены, что это их право, что они должны так поступать, что разгромленные народы сами угрожали им, что и породило их агрессивную защиту, что такие народы неумелы и ничтожны и у них нет оснований жить на земле и т. д. Такое мировосприятие, миротолкование было у древних евреев, которые вырвались из египетского плена, у древних римлян и других современных им народов, в Средние века, Новое время и т. д. Мы видим, что цивилизация не отменяет законы истории и не меняет психологию народов. Доказательство – гитлеровская Германия и немцы того периода.

Именно немцы такой Германии, а не вообще немцы, одна из самых цивилизованных и просвещенных наций мира, совершили крайне жестокие и отвратительные преступления в эпоху нацизма. Обычно их причины видят в Гитлере, но при этом не могут ответить на вопрос, почему фюрер не мог действовать в Великобритании или России, а именно в Германии. Гитлер как некрофил [4, с. 319–373] одержал полную победу, организовав и осуществив невиданный в истории геноцид и агрессию против других стран. Все это стало возможным только в Германии, истории и архетипические ценности которой подарили ему невиданную власть, которую он до конца использовал. Германцы проявили себя храбрыми воинами еще в эпоху сопротивления римлянам, и тогда же начал формироваться архетип белокурой бестии с голубыми глазами, беспощадной к тем, кого считает врагами. Веками создавался культ военщины и военной силы. Так, у кайзера Вильгельма II было шестеро сыновей, и все они были армейскими офицерами. Кайзер был одним из инициаторов Первой мировой войны. Поэтому немцы очень болезненно перенесли поражение в войнах с Наполеоном и неизменно жаждали реванша.

Объяснение гитлеризма можно найти во многих работах, в частности Х. Арендт, К. Бассиони, И. Фе-

ста, Э. Фромма, О. Ю. Пленкова, Л. Риса, Г. Леви, К. Ясперса, Т. Манна, Г. Раушнинга, В. Райха, П. Концена и др. Здесь уместно будет привести замечания выдающегося этнолога и географа Э. Реклю, важные для понимания корней германского милитаризма и совершенных немцами в гитлеровские годы преступлений: «Нѣмецкій народъ, въ концѣ-концовъ, началъ олицетворять свою имперію не иначе, какъ въ образъ вооруженной съ ногъ до головы женщины, грозящей кому-нибудь своимъ мечомъ. Здѣсь невольно вспоминается “національный” памятникъ Германіи, возвышающійся на высокомъ холмѣ Нидервальда, на правомъ берегу Рейна. Стоящая выше окрестныхъ холмовъ и лѣсовъ, гордая, вооруженная статуя Германіи съ ненавистью смотритъ за Рейнъ, въ сторону Франціи. Въ этомъ памятникѣ чувствуется угроза не только Франціи, но и всему міру; каждый нѣмецъ, смотря на этотъ памятникъ, весь проникается сознаниемъ, что “Германія выше всего на свѣтъ” и поэтому безропотно приноситъ тяжелыя жертвы для поддержанія величія и мощи своего любимого фатерланда. Подобные памятники, только меньшихъ размѣровъ, воздвигнуты для воспитанія народа во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Германіи.

Признавая главной задачей націи достиженіе мірового могущества при помощи вооруженной силы, германцы, естественно, должны были создать хорошо организованную государственную власть, которая могла бы вести націю къ достиженію ея идеаловъ. Дѣйствительно, государственная власть въ Германіи достигла своего высшаго развитія и нигдѣ въ міре правительтво и его представители не пользуются такимъ почетомъ, какъ въ Германіи» [3, с. 12].

Вот образец детской песенки, которую приводит Э. Реклю. Она распевалась в немецких сельских школах еще в XIX в.

«Торжественно трубы звучат,
И шумно развиваются знамена.
Марш, марш на врагов во имя Бога!
Рубите их, пока полягут все!
Бейте их, не давайте пощады!
Если не в силах меч вы поднять,
То душите врагов, не робей!».

Сами названия эпохи Гитлера (нацизм) и гитлеровской партии (национал-социалистическая) свидетельствуют не только о преступном режиме в Германии, но и о том, что все чудовищные преступления немцев носили именно национальный характер. Нацизмом были поражены, конечно, не все немцы, но значительная их часть. Есть все основания думать, что все это было в прошлом, хотя и недавнем. Но, конечно, немцев, как любую другую нацию (и расу), ни в коем случае нельзя назвать преступной. Преступления совершают отдельные люди, даже, возможно, большинство людей этой нации или расовой группы, но не вся нация, расовая группа. Это тем более верно, что любая из названных этнических единиц может быть рассеяна по разным странам.

Х. Арендт права в том, что сопоставление абсолютно невинного еврейского народа с абсолютно виновным немецким народом не означает, что возможно заставить весь немецкий народ выглядеть таким же виновным, как это сделали нацисты с ев-

реями. Установление и поддержание таких различий означало бы установление и поддержание перманентного ада на земле [1, с. 349]. Это, конечно, не говорит о том, что германский народ не несет никакой ответственности перед всем миром, ибо он и никто другой привел Гитлера к власти, которую ему официально вручил президент Гинденбург, поддерживал его во всем, рукоплескал ему, верил безоглядно, более того, боготворил, ничуть не сомневаясь в святости его приказов. Гитлер и его преступный режим при почти полной поддержке народа напали на страны и народы, которые заведомо не могли им сопротивляться, но показали совершенное отсутствие стратегического мышления, вступив в войну с демократическими странами и СССР. Они были попросту недалёковидны.

Новая посткоммунистическая Россия в кризисный период своей молодости столкнулась с острой национальной проблемой – чеченской. Вначале лиц нечеченской национальности вытесняли из республики, а потом началась гражданская война с остальной Россией. Мир на этой небольшой территории был достигнут ценой тысяч жизней с обеих сторон, но кроме собственно военных действий чеченские радикалы часто прибегали к террористическим актам, что всегда характерно для более слабой стороны конфликта. Вместе с тем надо учитывать следующее очень важное обстоятельство: чеченские власти и народ этой страны воевали с Россией не потому, что они ненавидели

русских, украинцев и т. д. Чеченцы делали бы то же самое, если бы их свободе препятствовали французы или японцы, то есть боролись не с другими российскими народами, а с российской властью как с силой, не дающей им возможности стать независимыми.

Наша страна не впервые сталкивается с национальной проблемой: после октябрьского переворота 1917 г. перед большевиками встала очень болезненная задача, а именно восстановления российской власти в среднеазиатском регионе. Он был, собственно говоря, колонией царской России, и этот его статус требовалось сохранить. Восстание народов Средней Азии не было чем-то уникальным в мировой истории, так же поступали жители многих колоний Великобритании, Франции, Испании и других европейских держав. Советская пропаганда, конечно, делала все возможное, чтобы очернить, оплывать движение среднеазиатских наций за независимость, представляя его как сугубо разбойное, бандитское, а людей, взявшихся за оружие, называя басмачами. В глазах же своих народов те были героями, с чем коммунисты не могли никак согласиться, тем более что действовали против них с максимальной жестокостью.

Расовых конфликтов в России никогда не было: с негроидной расой по той простой причине, что их представителей в России ничтожно мало, а с монголоидной потому, что уже много веков другие народы с ней сроднились до такой степени, что не замечают расовых различий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арндт, Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / Ханна Арндт ; перевод [с английского] Елены Бондал [и др.]. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 707 с. – ISBN 978-5-93255-519-4.
2. Концен, П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления / Петер Концен ; перевод С. С. Дмитрова, редактор А. И. Кугай. – Харьков : Гуманитарный центр, 2011. – 392 с. – ISBN 978-969-8324-71-0.
3. Реклю, Э. Народы и страны Западной Европы. Книги 1–2 / Элизе Реклю ; под редакцией Н. К. Лебедева. – Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. – 792 с.
4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фромм ; перевод и автор вступительной статьи А. С. Гуревич. – Москва : Республика, 1994. – ISBN 5-250-02472-6.
5. Фрэйзер, Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете / Джеймс Джордж Фрэйзер ; перевод с английского С. А. Токарева. – Москва : Изд-во полит. лит., 1985. – 650 с.

REFERENCES

1. Arendt H. *Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm* [Experiences of Understanding, 1930–1954. Formation, Exile and Totalitarianism]. Translated from English by Elena Bondal et al. Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2018. 707 p. ISBN 978-5-93255-519-4.
2. Konzen P. *Fanatizm. Psichoanaliz etogo uzhasnogo javleniya* [Fanaticism. Psychoanalysis of this terrible phenomenon]. Translated by S.S. Dmitrova. Edited by A.I. Kugai. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2011. 392 p. ISBN 978-969-8324-71-0.
3. Reclus J.E. *Narody i strany Zapadnoi Evropy. Knigi 1–2* [Peoples and countries of Western Europe. Books 1–2]. Ed. by N.K. Lebedev. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina, 1915. 792 p.
4. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow: Respublika, 1994. ISBN 5-250-02472-6.
5. Frazer J.F. *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folklore in the Old Testament]. Translated from English by S.A. Tokareva. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1985. 650 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯН – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

YURI M. ANTONYAN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Статья поступила 05.04.2022